

Когда он был полностью погружен в свои мысли, дверь внезапно открылась, и в комнату ворвались голоса и шаги, как будто вошло сразу несколько человек. Его лицо мгновенно изменилось, гнев вспыхнул в глазах, и он уже готов был разразиться руганью, но слова застряли на губах, закружились в воздухе и тихо рассеялись.

Заметив фигуру, которая слушала чьи-то доклады, Маркас побледнел и, тихо схватившись за сломанную руку, начал красться к выходу... Чёрт, это шестой этаж... Если прыгнуть, есть ли шанс выжить?

Холодный взгляд Сирила скользнул по нему, и Маркас замер, как вкопанный. Тело его задрожало, зубы начали стучать, и постепенно накатила волна страха. Когда он увидел в руках Найдена, стоявшего у двери, знакомый хлыст, он с диким воплем бросился бегать по палате, пытаясь спастись.

...В конце концов его все же поймали и изрядно выпороли... на глазах у всех телохранителей.

— Ты пришел специально, чтобы отколотить меня?! — с горечью выкрикнул Маркас.

Его вопли не вызвали ни капли сочувствия, и, с глазами, полными слёз, он уткнулся в край кровати, наблюдая, как телохранители тщательно обыскивают комнату, проверяя каждый угол на наличие камер или подслушивающих устройств. Они действовали с такой тщательностью, словно собирались содрать полы. Чтобы исключить возможность наличия устройств, которые не могут быть обнаружены современной техникой, они установили блокираторы сигналов и генераторы электромагнитных помех. Даже за окном они долго всматривались, словно пытаясь определить, не стоит ли где-то специальный мощный телескоп. Одним взмахом руки Сирил отправил двоих людей на улицу...

Маркас смотрел на все это с ошеломлением, его взгляд скользнул по молчаливому человеку, стоявшему в стороне, и сердце его сжалось.

Когда он только попал сюда, его тоже тщательно обыскали. Но тогда все было не так масштабно. Когда он встречался с этим человеком раньше, место всегда выбирал он сам... Неужели все происходило с такой же подготовкой?

Неудивительно, что он такой холодный и серьезный. Насколько же он должен быть подавлен, чтобы быть настолько осторожным?

— С сегодняшнего дня Джо не должен отходить от тебя больше, чем на три шага, — спокойно заявил Сирил, без каких-либо эмоций.

Маркас медленно моргнул, механически повернул голову, и казалось, что его шея скрипит от напряжения. Взгляд его упал на человека, который соблазнительно подмигнул ему — только сейчас он заметил, что это был тот самый человек, с которым Сирил разговаривал ранее!

Тяжелый макияж, яркий образ, но это ничуть не умаляло его красоты. Волнистые золотистые локоны, высокая грудь, тонкая талия, длинные ноги, сомкнутые без единого просвета...

Не отходить от него больше, чем на три шага...

— Нет — вы не можете так поступить! — Маркас был в полном отчаянии. — Вы не можете так со мной поступать — он же трансвестит! Аааааа!

Сирил остался непоколебим:

— Он будет хорошо о тебе заботиться.

Выражение лица Маркаса говорило о том, что его мир рухнул.

После долгого хаоса, который постепенно утих, Сирил лишь бросил один взгляд, и все в палате поняли его без слов, организованно выйдя за дверь. Найден приказал телохранителям поставить стул за ним, затем, положив правую руку на грудь, почтительно поклонился и так же естественно вышел.

В палате остались только двое. Сирил снова устремил взгляд на Маркаса.

Его ледяные голубые глаза не были пустыми, они были словно вихрь снежной бури, что делало их цвет крайне светлым, почти прозрачным, но при этом леденящим до костей. Даже когда он просто сидел, не проявляя никакой активности, ощущение давления было невероятно сильным.

Маркас, словно напуганный подросток, съежился, стараясь свернуться в клубок, чтобы стать как можно менее заметным... Болезненные ощущения от недавней порки начали постепенно возвращаться.

Но человек напротив просто сидел молча, и невозможно было понять, что он на самом деле чувствует. Его холодность и спокойствие всегда создавали впечатление, что он смотрит на все окружающее с одинаковым безразличием, да и выражение лица его оставалось нейтральным.

Маркас молчал, зная, что если он прервет размышления этого человека, то новая порка будет неизбежна... Пока, наконец, буря в глазах Сирила не утихла, и он спокойно произнес:

— Тебе пора повзрослеть, мальчик.

Сердце Маркаса сжалось, оставшиеся мозговые клетки лихорадочно пытались понять, есть ли в этих словах хоть капля разочарования. Он почувствовал обиду, но слова уже вырвались наружу:

— В чём я незрел?!

Как только он это произнес, он понял, что ошибся, и лицо его побелело. Он начал торопливо оправдываться:

— Нет, нет, я не это имел в виду — я не...

Его неспособность правильно выразить свои мысли, результат плохой учебы, заставляла его самого хотеть удариться головой об стену. Его взгляд, полный растерянности, снова встретился с холодным взглядом Сирила, и он вдруг разразился слезами, словно ребенок, смотрящий на него с мольбой.

Сирил оставался безучастным. Он наблюдал, как Маркас сначала тихо плакал, украдкой поглядывая на него, но, не видя никакого сочувствия, начал все больше расстраиваться, пока не разразился громким рыданием, смешивая слезы с соплями. Он так сильно плакал, что начал икать, левой рукой сжимая простыню до такой степени, что она начала скручиваться, но он не осмеливался ничего сказать... Это упрямство, лишённое обычной дерзости и высокомерия, делало его похожим на брошенного ребенка... Он все еще был ребенком.

— Насколько ты был напуган? — спросил Сирил, когда Маркас уже не мог больше плакать, произнося слова медленно и размеренно.

Даже несмотря на то, что его голос оставался ровным, в этой тихой, замедленной речи чувствовалась какая-то странная теплота.

Или, возможно, после пережитого ужаса, даже вид этого человека, все так же холодного и отстраненного, казался лучшим, что могло быть...

Насколько он был напуган? Наблюдать, как тебя вытаскивают за шиворот из бездны смерти, и даже стоя на твердой земле, чувствовать, что твоя жизнь все еще висит на волоске...

Насколько это страшно? Прожив столько лет в беспечности, вдруг осознать, что твоя жизнь ничего не стоит, и кто-то даже не хочет, чтобы ты существовал!

— Я умру? — сжав губы, Маркас пристально смотрел в глаза Сирила. Сначала он не мог удержаться от того, чтобы отвести взгляд, но какая-то сила заставляла его смотреть прямо, и он успокоился.

— Ты хочешь умереть? — спросил Сирил.

— Конечно нет! — быстро ответил Маркас, широко раскрыв глаза, его лицо выражало негодование, и он почти кричал. — Но они хотят, чтобы я умер!

— И это заставляет тебя бояться? — даже задавая вопрос, его голос оставался спокойным, как при обычном утверждении, лишь легкий подъем интонации выдавал вопросительную форму.

Маркас всегда знал, что этот человек не любит говорить, даже если его голос был прекраснее всех. Одного его взгляда было достаточно, чтобы заставить людей подчиняться, и даже когда он преподавал, он никогда не говорил лишних слов, чаще всего просто молча смотрел на мир. И впервые он услышал... такой длинный, казалось бы, бессмысленный монолог.

— Даже если весь мир будет против тебя, и никто не захочет, чтобы ты продолжал существовать, что с того? Как маленькая девочка, ты будешь всхлипывать и покорно ждать смерти? Твоя жизнь принадлежит тебе, зачем ты добровольно отдаешь ее в чужие руки?

— Но кто в этом мире действительно может управлять своей судьбой?! — снова не удержался Маркас.

Холодные голубые глаза молча смотрели на него, пока он не понял, что снова прервал его, и испуганно закрыв рот, отпрянул назад.

— ... — тихо произнес Сирил. — По крайней мере, я хочу, чтобы ты продолжал существовать... Чего ты боишься?

По крайней мере, я... хочу, чтобы ты продолжал существовать... Сердце Маркаса сжалось, словно его коснулось что-то твердое, и даже если это причиняло боль, теплота крови перевешивала все. Он с удивлением поднял глаза, понимая истинный смысл этих слов.